

10 НОЯ 1976

СМЕНУ!»

„НА СМЕНУ“

г. Свердловск

МУЗЫКАЛЬНАЯ
СТУДИЯ

КАК ЗАЗВУЧИТ ГОЛОС?..

В сентябре Борис Медведев, студент III курса Уральской консерватории, стал дипломантом Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни в Риге и получил специальный приз журнала «Студенческий меридиан».

Полмесяца провел Борис в Риге. Концерты во Дворце культуры ВЭФ, вечера дружбы с латвийской молодежью... Авторитетное жюри, имена членов которого говорят уже сами за себя, и, наконец, «пятерка», выставленная молодому певцу Юрием Силантьевым за исполнение песни Марка Фрадкина «За фабричной заставой». «Эта песня — песня моего детства. Мне было лет шесть, когда я смотрел фильм, в котором она впервые прозвучала». И мнение Николая Добронравова, высказанное им после того, как прозвучала песня Пахмутовой на его стихи «И вновь продолжается бой»: «Спасибо, очень понравилось, песня исполнена свежо, своеобразно».

Волнения... Рига встретила дождем. «Конечно же, успел простудиться...». За кулисами, перед выходом на сцену, делал дыхательные упражнения, повторял по слогам текст, громко читал стихи, чтобы разжечь себя и на эстраде быть активным, чувствовать себя «на коне», а значит, спокойно. Вспоминал все то, чему когда-то его учили.

Сомнения... «Надо было взять другие песни, господа». А на подготовку была всего лишь неделя. Встречи с

участниками конкурса, с будущими коллегами по профессии — студентами-вокалистами из Москвы, Киева, Вильнюса. На конкурсе Борис словно посмотрел на себя со стороны, взвесил силы, понял, от чего нужно отказываться, а чему еще надо учиться.

Конкурс закончился. И вот — октябрь. Снег на крышах домов, запах зимы в осеннем воздухе. Самое начало консерваторского семестра. И как всегда — хроническая нехватка времени. Занятия с 9 утра до 6, 7 часов вечера: сценическое движение смеяется, сценическая речь, затем итальянский язык и еще оперный класс — «Евгений Онегин». К концу дня Борис, наконец, попадает в столовую, где предпринимчивые студенты обычно уже успевают съесть весь хлеб, и он в задумчивости заливает колбасу чаем, мысленно проигрывая уже в который раз невообразимую какофонию из голосов и звуков сегодняшнего дня: «Скажи, которая Татьяна» — поет Онегин, ему вторит нечто из «Травиаты». И еще — голосом аккомпаниатора Елены Александровны:

— Борис, вслушайтесь в смысл фразы. И все станет на свои места.

— Елена Александровна, — крик вопиющего в пустыне — я уже с десяти часов пою!

— Ну и что, — категорично, — Баттистини пел 9 часов в сутки.

— Я же не Баттистини!

— Так должны им стать.

Цейтнот. Но вот парадокс, ему кажется, что сейчас время остановилось, растянулось.

Была мечта — стать профессиональным певцом. Когда его звонкий альт звучал в школьном актовом зале, Борис еще не думал об этом, хотя все существо его тянулось к тому, чтобы выразить себя в песне. Очень любил литературу, она, как ничто другое, могла объяснить настроение, душевное состояние в то время, когда он слушал музыку или пел сам.

И уже потом, когда в 17 лет работал в Ижевском музыкально-драматическом театре, пел в хоре, а в армии — солировал в ансамбле УралВО, мечта стала принимать конкретные очертания.

Ему посоветовали обратиться к Яну Христовичу Вутирасу. «Он не только отличный педагог, но и удивительный человек», — сказали Борису. — Послушает. Даст совет». Вутирас послушал, похвалил, обратил внимание Бориса на недостатки и сказал: «Вам, конечно же, надо учиться!».

Каждое утро он просыпается с одной и той же мыслью:

«Как сегодня зазвучит голос?».

Четверг. Два оперных класса. Не знаешь, куда сначала бежать? День, насыщенный работой, усталостью, но главное — впечатлениями от встреч с интереснейшими людьми — профессором Б. М. Кушниром, дирижерами Э. И. Красовицким и К. К. Тихоновым. Прекрасно знающие музыку, законы оперной сцены, они дают массу информации, особенно ценной, когда идет работа над образом.

В три часа в двадцать третьем классе имени профессора А. Э. Маргуляна Борис Медведев пел партию Жермона.

...Середина XIX века. Предместье Парижа. Загородный дом «дамы с камелиями». Старик Жермон уговаривает Виолетту порвать с Альфредом. И напрасно, женщина убеждала его в своем искреннем, сильном чувстве. Жорж Жермон был непреклонен.

— Борис, — останавливает Медведева дирижер Красовицкий, — когда ты поешь эту фразу «Чувства прекрасны ваши», обрати внимание на такую психологическую вещь — здесь Жермон меняет тактику, если раньше он презирует Виолетту, то сейчас он играет благородство, но благородства тут ни на грош. Жермон — весь лицемерие, фарисейство...

А теперь, как это пишется в старинных классических рома-

нах, представьте себе молодого человека лет двадцати пяти от роду. Он энергичен, остроумен, «порою юмора немножко больше, чем надо», — улыбаются его преподаватели. До Жермона Медведев пел Онегина, и спокойствие, холодная сдержанность, меткая ирония Евгения ему удавались больше, чем яркая открытая страсть в его арии-монологе, обращенной к Татьяне в последнем акте оперы.

И в общем-то нечего особенно гадать, почему это происходило, все объяснялось очень просто: «Наверное потому, что сам я еще ни разу не испытал такого чувства».

В четыре часа он носился по классу, отчаянно жестикулировал, немного озорничал, изображая плутни севильского брадобрея. Его Фигаро имел одну особенность, которую наверняка не имел ни один сценический Фигаро в мире — время от времени он отбегал от рояля и записывал в тетрадь замечания преподавателей, их советы, а по пути и какие-то свои мысли. Его Фигаро учился!

Фигаро — символ молодости, жизнелюбия, веселья, активности, энергии. Образ, созданный Россини и Бомарше, был для Бориса естествен и органичен. Но, постигая великую основу актерства — искусство перевоплощения, он

пока умеет играть лишь то, что свойственно природе его характера, поведения.

«Мне кажется, что он иногда не верит в то, что станет оперным певцом. — говорил мне Борис Михайлович Кушнир. — А для того, чтобы стать им, у него есть все: и красивый голос — лирический баритон, который, если Борис будет серьезно работать, станет характерным меццо-баритоном, хорошие внешние данные. Он музыкален, он понимает, что опера — это музыка в действии. В нем чувствуется напряженная работа мысли, когда идет постижение того или иного образа. Он старается как можно больше читать... Но при всем этом ему необходимо трудиться много и устремленно».

«Голос-клад... Но будет ли он когда-нибудь артистом, трудно сказать... Если, на его счастье, полный пересмотр оперных условностей произойдет скоро, он и будет артистом. Иначе он будет только баритоном», — написано критиком в рецензии за 1909 год, рассказывающей о дебюте Сергея Левики, впоследствии прекрасного оперного артиста, певшего на сцене Большого театра.

«...Только баритоном» — эти слова — источник раздумий Бориса Медведова о профессии. Он преодолевает барьер неверия в себя, перенимая драгоценный опыт своих педагогов, которые многого ждут от него, верят в его будущность. Не обмани их ожиданий, Борис!

А. КАНТОР.